

SELECTIO CONTRANATURALIS

Стоило Ингвару Виклунду только открыть входные двери, как на него обрушился самый настоящий девятый вал радости и восторга. Собрались все близкие, родственники и друзья. И на оформление в стиле «Поздравляем! Ты лучший!» не поскупились.

Тем резче получился переход от всеобщей эйфории к недоумению.

— Что случилось, Ингвар? — поинтересовалась жена. — На тебе лица нет. Совсем не таким должен быть гениальный режиссёр и гарантированный обладатель минимум шести статуэток «Оскар».

— Мне отказали.

Хотелось напиться до потери пульса. Виклунд не сумел сдержать слёз.

— Тебе? — не поверили собравшиеся. — Самородку, которые рождаются раз в сто, если не в тысячу, лет?

— Не прохожу Тест Толерантного Идеала: я белый гетеросексуальный мужчина с высоким уровнем интеллекта, спортсмен и библиофил. Помогаю не по приказу, а по зову души. И не вижу в существовании себе подобных ничего предосудительного.

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНЫ

— Не могу поверить, что меня арестовали, — заявил узник, едва адвокат переступил порог тюремной камеры. — Я всего лишь написал мелом на стене: «Будь толерантен к толерантности!» Некоторых за убийства не трогают.

— Боюсь, у меня для вас неутешительная новость: вам очень сильно повезёт, если вас не отправят на электрический стул.

— Что вы такое говорите? — узник пришёл в ужас.

— Ныне судьи выносят приговор на основании цвето-типа: чем светлее кожа, тем явственнее вина.

— Но... — у узника не было слов.

— Белые не могут мирно протестовать, они все — расистские убийцы.

КЛЕТКА

— Что значит — я не имею права? — удивилась женщина, выслушав старшую сотрудницу феминистического патруля. — Разве наши предшественницы, суфражистки, не боролись за то, чтобы сделать женщин счастливыми?

— Красота — это навязываемый шовинистическим патриархатом стандарт, — принялась объяснять старшая сотрудница. — Нравиться мужчинам — предательство самостоятельной женщины. Врагу нельзя нравиться. Модная одежда и косметика — ярмо и цепи. Личный автомобиль — демонстрация превосходства над товарками. Деньги — инструмент мужского террора против женщин... Ты не должна выделяться, сестра.

МЫСЛЕПРЕСТУПНИК

— Я не сделал ничего противозаконного! — арестованный едва сдерживал слёзы. Наручники буквально жгли ему руки. — Наоборот: призывал перестроить мир согласно коммунистическим идеалам! СССР ведь за это и борется!

— Твоё преступление — мысль, — объяснил следователь НКВД, запуская только утром доставленную машину человекоизъятия: больше не требовалось стрелять в затылок, и труп можно было использовать в хозяйственно-продовольственных целях.

— Как мысль может быть преступлением? — опешил арестованный. — Она же нематериальна!

— Может. Если мысль не рождена указом партии и товарища Сталина.

ЛИЦО КОМПАНИИ

— Спасибо, но нет! — отрезал Джон Локк. — Не хочу быть лицом вашей компании.

— Но почему? — опешил президент Европейско-Американского Союза. — Вы же сами утверждали, что демократия — это самый лучший общественный строй. Мечта!

— Утверждал, — кивнул Джон Локк, — однако сейчас повторить оное не возьмусь. Насмотрелся на ваши «достижения».

— Да что не так? — недоумение президента ЕАС стало ещё бóльшим. — Мы же возвели демократию в абсолют!

— Вы до сих пор не поняли главного: убеждения меньшинств не должны навязываться большинству ни под каким предлогом. Эта ваша толерантность заткнёт за пояс любую диктатуру... Реклоните меня!

МИССИОНЕРЫ

— Должен отказать и вам, святой отец, — сказал глава инопланетной цивилизации.

— Но почему? — опешил священник. За кормой остались миллионы парсеков. — Наш Бог — самый лучший.

— По той же причине, что и остальным религиозным миссиям: все ваши боги лишены здравого смысла.

ФЕМИНОФРЕНИЯ

На продуктовой лавке, где Леонид Штриц уже больше четверти века закупался после окончания рабочего дня, висела табличка «Закрыто навсегда».

— Что за дела? — внутри горел свет, и Штриц барабанил по двери, пока не открыли. — А отец где?

— Плачет, — ответил малолетний сын хозяина. — Теперь мы остались без средств к существованию.

— Что случилось?

Репутация Лидица была безупречной. Продуктовая лавка была застрахована.

— Приходили тётки из «Феминистической доминанты». Отца обвинили в женови... женовинчи...

— Женоненавистничестве?

— Ага.

— Что за ерунда?

— Всё из-за молока. Теперь его продажа считается жёсткой э-к-с-п-л-у-а-т-а-ц-и-е-й женщин. Потому что у всех коров — женские имена.

ЗАПРЕТ

— А шашки зачем запрещать, ваша честь?.. Чёрные уже давно ходят первыми. Нет пешек-рабов. Все фигуры — женского рода с равными правами. Королевой не жертвуют ради короля.

— Не сделать вам стремительной карьеры, начинающий судья, — верховная судья удручённо покачала головой. — Это же очевидно: белые могут бить чёрных. В нашем толерантном обществе, одаренном благоденствием для всех, сие недопустимо.

ЭКСКУРС

«...Упадок европейской, а за ней и мировой культуры объясняется массовым проникновением в них псевдотворцов, людей, подменивших подлинное искусство собственными патологиями. Агрессивное выпячивание всевозможных отклонений и фобий, выдаваемое за новые тенденции в искусстве, подкреплённое угрозами уголовного преследования, общественного порицания и физической расправы, изменило мировосприятие людей, лишив их художественного вкуса и уничтожив критическое мышление, являющееся основой познания мира...»

Из «Энциклопедии выживших». Т. II. История Эпохи Тотального Безумия.